

Копипаста: Гаага — Lurkmore

Так и вижу упоительную картину: тесный квадратный дворик с высокими стенами и единственной стальной дверью, клочок девственно голубого голландского неба (вот, разве что, малое облачко запуталось в спиральных колючей проволоки), чахлый подорожник у южной стены и, конечно же, - заключённые.

Ба, знакомые всё лица!

Тут Владимир Владимирович чистит выданный за примерное поведение апельсин, к которому, уже готовясь драться, приглядываются с разными по мимике, но одинаково идиотскими ухмылками Сергей Борисович и Игорь Иванович.

Там Борис Вячеславович репетирует с Владиславом Юрьевичем (Асланбеком Андарбековичем по некоторым версиям) репризу "Андроид", написанную последним для тюремного конкурса талантов ("Верю!" - возопил бы Константин Сергеевич, к счастью, не присутствующий и потому лишённый сомнительного удовольствия наблюдать сие надругательство над человеческой природой).

А во-о-он в том углу, узнаёте? Это Глеб Олегович! Прикинулся, будто дремлет на солнышке и увлечённо смакует папироску с "дурью", которую раздобыл, оказав одному из охранников интимную услугу, но сам исподтишка наблюдает за остальными, подрядившись за определённые предпочтения регулярно "стучать" тюремному начальству.

Идиллия, да и только!

Но постоит, что это? Стальная дверь открывается и во дворик, пригнувшись, дабы не задеть притолоку, входит в сопровождении двух дюжих молодцов Некто, вопиюще не вписывающийся в компанию. Высокий, плешивый, с усами. Таких в Кремле со времён Николая Павловича Романова (а может, и подолее) не бывало.

О! Да это ж сам Батя Лукашенко с отпрысками!

Идиллия закончилась. Путин машинально прячет апельсин за спину без особой, впрочем, надежды его сохранить: матерых хоккеистов никакое дзюдо не остановит. Иванов с Сечиным заканчивают думать о внутренних "разборках" и начинают - о том, как им в случае чего отделаться без особых телесных повреждений от сынков, которые даром что дебилы, но накустылять могут одной левой. Сурков-Дудаев мигом сворачивает режиссуру и в стиле Дуремара-Басова делает вид, что он "тут ни при чём, совсем тут ни причём". Павловский по-прежнему недвижим, но теперь не подглядывает из-под прикрытых век - он далеко отбросил недокурный бычок и крепко зажмурился, чтоб грозная троица не подумала чего плохого. И только Грызлов, безвозвратно войдя в образ и ничего более не замечая, продолжает попугайски твердить на разные лады фразу из роли: "Международный трибунал - не место для юридических дискуссий!"

Однако новоприбывшим не до него. Батя исподлобья осматривает струхнувших кремлёвцев, находит хмурым взглядом цель и твёрдо направляется в сторону Путина, который в смертельной тоске нехороших предчувствий готов не только отдать Луке жалкий фрукт, но и исполнить любую его прихоть во избежание очередных побоев.

Предчувствия небезосновательны. Александр Григорьевич, судя по всему, сегодня сильно не в духе, и выражение лица его сулит всякому, кто подвернётся под мощную длань, крупные неприятности.

Невесть каким способом незаметно исчезли из дворика Сечин, Иванов, Сурков и Павловский, оставив бывшего шефа и бестолково токующего "андроида" (которого в расчёт можно не принимать) наедине с семейкой белорусов.

Всё ближе Батя. Вот уж рядом он. Жутко до немоты, а бежать некуда: сзади бесстрастными истуканами, скрестивши на груди мускулистые руки, встали младшенькие Лукашенко.

- Здравствуй, Саша! Тебя уже выпустили из карцера? Рамзан-то до сих пор в лазарете. Апельсин не хочешь? - частит, пытаясь дружелюбно улыбнуться, Путин.

Но улыбаться дружелюбно он разучился ещё на службе в КГБ, поэтому улыбка выходит фальшивой, а дрогнувший голос выдаёт бывшего президента бывшей Российской Федерации с головой. Батя громко сопит, не отвечая на приветствие; лапа его тянется к жертве и стальными клещами смыкается на плече ближе к шее.

Видимо, экзекуции нынче не избежать. Уже смирившийся с этим фактом Путин покорно ждёт первого удара и мысленно стотысячный раз прокликает жида, который во время оно подсунил семейке престарелого алкаша именно его кандидатуру на роль преемника, что, в конечном счёте, и обеспечило ему пожизненную компанию тяжёлых на руку и мозги бульбашей.

Тягучую патоку ожидания вдруг прерывает торжественный вопль Грызлова, принявшегося в отсутствие

режиссёра импровизировать: "Тюремный двор для прогулок - не место для праздных прогулок!" Буравящий путинское лицо взгляд на несколько секунд перемещается в сторону посмевшегося шуметь во время важных интеграционных процедур братских народов, затем Батяка коротко кивает одному из сыновей и тот, приученный регулярными порками понимать папу без слов, ленивой походкой идёт к возмутителю спокойствия. Страшные глаза Луки вновь впиваются в Путина, который, воспользовавшись неожиданной отсрочкой, уже приготовился как можно громче кричать: "Helfen Sie mir, bitte!" Левая ладонь мучителя сжимается в пудовый (не менее!) кулак, и...

(Здесь фантазия обрывается, поскольку автора пришли арестовывать по обвинению в политическом экстремизме.)

Читать ещё

- [Владимир Высоцкий](#)